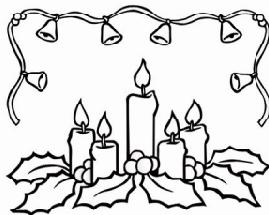

Нижегородская государственная
областная универсальная
научная библиотека
им. В.И. Ленина

Рождественская встреча

Сборник стихотворений

Выпуск XXIII

Нижний Новгород
2020

**ББК 84 (2 РОС=РУС) 6-5
Р 62**

Р 62 **Рождественская встреча:** сб. стихотворений / сост. С.Г. Леонтьева. — Нижний Новгород: РИО НГОУНБ, 2020. — Вып. XXIII. — 72 с.

В сборник вошли стихотворения нижегородских авторов, профессионалов и любителей, представленные на празднике духовной поэзии, который состоялся в январе 2020 года.

12+

© НГОУНБ им. В.И. Ленина

Рождественская встреча — это больше, чем просто встреча, свидание, концерт, выступление... Это связь поэтическая, внутренняя связь со всею Вселеною, ожидающей рождение нового, всеохватного. Рождественская встреча — это обретение, глубина и высота, это новое, неизведанное, это тот случай, который является жизненно важным и первоочередным.

Это наше продление.

Наше единение.

Наш праздник и торжество.

Ибо мы на миг становимся бессмертными, крылатыми, у нас есть свой ангел-хранитель, оберегающий нас.

2020 год — это неизведанное для мира испытание.

Испытание на жизнь и на смерть.

Мы прошли его. И наши новые строки зазвучали, а высокое и чистое, небесное и земное, творение и крылатость остались с нами.

Не все смогли приехать на концерт, который обычно проходит в Белом зале «Ленинки», но многие присоединились к нам виртуально, кто-то не приехал по причине закрытия границ. Но для поэзии нет запретов, карантинов, войн, границ. А есть огромная встреча.

Наша Рождественская встреча.

Светлана Леонтьева,

член Союза писателей России,
ведущая встречи,

автор более 30 книг прозы и стихов,

главный редактор альманаха «Третья столица»,
член жюри Клюевского конкурса в Вологодской области,
председатель Всероссийского литературного фестиваля

«Приокский причал поэтический»,
дипломант национальной премии «Золотое перо Руси»,
обладатель премий «Литературный глобус»,
«Уральские горы», лауреат «Лучших строф столетия»

Николай Апешков

Лесное озеро

1.

В зеркале стылой осенней воды,
словно в предчувствии близкой беды,
лес отражается золотом к вечеру.
В сумерках вязнут скитаний следы,
наши земные труды и плоды
между мгновением жизни и вечностью.

Озеро! Родина! Осень-краса!
Нам ли, уставшим, молить небеса
о сокровенном, заветном, несбыточном,
ждать и надеяться: все голоса
будут услышаны, если леса
через какие-нибудь полчаса
тьмой занавесятся – ужасом пыточным?

Вырву из тьмы на скрещеныи дорог
синенький скромный осенний цветок.
Как он мерцает в своей одинокости!..
Утром опять заалеет восток.
С ветки сорвётся последний листок.
Хватит на всех и любви, и жестокости.

2.

Лесное озеро замёрзло.
И по зеркальной глади льда –
поверьте! – кот учёный ёрзal.
Под носом рыбка. Но – беда:
коту никак не расцарапать
заледеневшее «стекло».
И смех, и грех, едрёный лапоть!
Мороз! Коту не повезло.
И полыхает у котяры
зелено-жёлтых глаз пожар.
Оголодал, видать. Недаром
из Лукоморья убежал.
Куда ни кинься – сплошь преграды.
И сказки кончились давно.
Златую цепь спилили гады
и дуб спилили заодно.
Худющий, голodom кручёный
(не жаль ему когтей и лап),
добычу ищет кот учёный
и от людей бежит стремглав...

Воспел бы я в стихах и в прозе
прогулки в лесополосе,
но мёрзнет муза на морозе,
да и слова застыли все.
Лёд отражает облака.
А снега нет ещё пока.

3.

Лесное озеро оттаяло.
И по зеркальной глади вод
со мной на лодочке Наталия,
как лебедь белая, плывёт.

И вслед за лодкою по озеру
плывут, качаясь, облака,
а мой ровесник Сашка Прозоров
зовёт к костру издалека.
Мы молоды, нам делать нечего.
Какой-то тайны ждёт душа.
Мы здесь останемся до вечера,
сиренью сорванной дыши.

И пусть подружки наши юные,
прикрыв платком стыдливо грудь,
увидят, как дорожки лунные
перетекают в Млечный Путь.
И наша юность не кончается.
За плёсом ухают сомы.
Созвездья в вечности качаются.
И лес. И озеро. И мы.

* * *

Прогулки в одиночестве прекрасны.
Сквозит предзимок в лесополосе.
Я знаю – оправдания напрасны
за то, что жил не так, как жили все.

Я не монах, чей подвиг непреклонен,
не деспот я, чей грех непоправим.
Я счастлив был, когда купался в лоне
земной любви, отнюдь не херувим ...

Судьбы страницы распечатай, принтер,
чтоб – от и до, а не – от сих до сих...
Меня Господь провёл по лабиринтам,
и я стихами рассказал о них.

Елена Афаньевна

Similis simili gaudet*

Similis simili gaudet.
Ангел мой, что ты за птица?
с крыльями – белыми астрами
иль птицелов за жар-птицей?
Кружит тебя непогодою,
перья правдой ломая,
ангел мой, птицелов ли ты
или за что-то страдаешь?
Не промахнись над бездною,
не растеряй ты святынь-ношу,
ангел мой в белой маске,
лик свой открай, мой хороший.

* Подобное притягивается к подобному (лат.)

Сердце связано вместе
узлами с планетой солнца,
не опалить, не раскинуть
крылья над дулами, вброшен
заряд будто черных карликов,
будто печали черной,
это черные ангелы ворвались
в пределы крошева.

Спаси и помилуй, от солнца
душа твоя светит жарко,
Simili similis Gloria,
ангел кружится яркий.
Гимном взывать *gaudet*
не получится, ангел мой,
просто сердца мелодию
будем нести засветло.

Отзвуки времён

Почтовый ящик опустел,
не пишет писем мне любимый,
почтовый ящик – мой предел,
пространство замерло лениво.
Летят и рвутся облака, тяжелые,
как тучи летом.
В них писем-странников душа
спешит увидеться с рассветом.

Театр жизни вдаль зовёт,
как сон, как марево всех странствий,
в тех письмах – отзвуки времён
нас удивляют постоянством.
Старинных марок вензеля,
гашёные соленым потом,
и треугольник «Жди меня» –
священный памятник войны той.

Спеши ко мне, ворвись письмом,
лучом, блестящим светом рампы.
Ни Канио ты и ни Пьеро,
но ты – актёр, ведь знаешь сам ты.
Вкус клея на губах примерз,
конверт заклеил – поспеши, согрею,
в театре жизни всех времен
к нам лето явится в апреле.

Почтовый ящик опустел,
не пишет писем мне любимый,
мы вместе ночь и день теперь,
и беды все проходят мимо.

Татьяна Антипова

* * *

Вспоминаю, Россия, твоих златоустов крылатых,
Тех, кто пел о красотах под небом родной
стороны,
О лесах и полях, черноморских кровавых закатах
И о волжских утёсах, что тайны старинной полны.
И о тех, кто Великую в веке двадцатом прошёл,
вспоминаю,
Кто в окопах полёг, подорвался на минных
полях...
Кто свободу и жизнь отстоял для родимого края
И навеки остался в лесах и степных ковылях.
Тех, кто трепетно строки слагал для «Прощанья
славянки»,
Тех, кто песенным словом на подвиг страну
поднимал,

Кто огонь разжигал под гармошку в промёрзшей
землянке,
Тех, кто выдержал с честью смертельный
фашистский оскал.
Сколько мирных отпущено лет непокорной
России!..
Сколько Волжской воды с той Победной весны
утекло...
Златоусты твои, вольнодумцы, поэты-мессии
Как и прежде в полётах своё расправляют крыло...

Татьяна Бобышева

* * *

Полночь. Не спится.
За окнами выюга
Мечется, будто бы ищет приюта,
В окна стучится,
Тревожа округу,
То вдруг затихнет, но лишь на минуту.

Кутаюсь, лёжа
В пуху одеяла,
В тёплой постели одна замерзаю.
Может, ты тоже?
Начать бы сначала.
Мысль о тебе мне сознанье терзает.

Страстно любила,
Забыв всё на свете,
Ты, только ты, после всё осталное.
Но отпустила,
И кто же ответит
Как залечить моё сердце больное?

Память стучится
Подругой нескромной.
Вновь задремлю на заре «с петухами».
Не повторится!
И ночью бессонной
Душу свою исцеляю стихами.

* * *

Вечер серым крылом опустился на город,
От манящих витрин вслед неоновый свет,
Белой стайкой снежинки слетают за ворот,
Грустно мне оттого, что тебя рядом нет.
И с надеждой смотрю я на встречные лица,
Не мелькнут ли в толпе дорогие черты,
Мне так нужно сегодня с тобой поделиться
Сокровенным, но мимо проходишь не ты.
Всё бреду и бреду, боль в снегу оставляю,
На холодном ветру замерзаю сама,
И, тревожно вздохнув, чутко вдруг ощущаю,
Как разлучницей в сердце крадётся зима.
Только душу свою остудить не позволю,
И незримый огонь я в груди поддержу,
Непридуманной, радостной встречи с тобою
Непременно до новой весны подожду.

Владислава Броницкая

Записки Деда Мороза

По разломам, руинам страны и осколкам эпохи
Я бреду. Мой открыточный образ энергичен
и весел.
В глубине где-то рвётся струна, издает стариковские
вздохи.
И пока ни один из иуд на осину петлю не повесил.
И пока плохиши доедают печенье с вареньем,
Нам бы двадцать лет простоять и еще двадцать пять
продержаться.
И всё меньше ребят удивят меня песней, пляскою,
стихотвореньем.
Да и сил почти не осталось ни одаривать,
ни сражаться...
Это раньше верили в сказку, вырастали и сказку
строили.
Я остался в эпохе надежд, а теперь время рвётся
без будущего.

Где теперь чудеса находить? Не в лесу ли?
Не в поле ли?
Вдруг закружатся звёзд светляки среди чёрного неба
пустующего?
Вдруг опять буду я на ракете лететь, как на старой
открытке?
Только целей космических нет у людей
не космических духом.
Не хотят космонавтами быть, а айпад по отцовской
кредитке
золотой без меня заполучат. Всем узоров на окна
и снега вам пухом...
Снегирям – хлебных крошек. Каждой Золушке –
три орешка.
Я бы мира всем повелел, но я не сильнее войны.
На столах у кого-то шампанское с этикеткой
«Советское», оливье...
У кого-то белужья и «Дом Периньон». Чьи-то дети
больны...

Чьи-то мерзнут в подвалах, голодные, и не пробиться
Через все блокпосты в горький сумрак растерзанных
душ,
обожжённых, отринутых. Только б стоило к ним
торопиться,
сквозь химеры глумливой рекламы, завыванье
кликуш.
И бреду под салютами «Града» от подвала
и до подвала.
Отзывается плачем во мне кем-то проданный
детский смех.
Как же мало осталось, как же убийственно мало
Тех, кто просит счастья для всех...

* * *

Важно ли, что имя твоё стрелой из тугого лука
В суть и в соль – точновцельное?
Что оно мне свет и сладчайшая мука?
Что оно распадалось на радуги и оставалось цельное?
Разве важно, что у него и запах волшебный, и вкус,
Что его драгоценною брошкой под сердцем носила?
Что во рту оно таяло, как земляничный мусс?
Что живая вода в нём и звёздная сила?

На игле смерть кощяя, той, где сломано остриё.
Мои радости тлеют за высоким-высоким забором...
Разве важно кому-то как святилось имя твоё?
Закопают тебя под номером, засыпая хлором...

* * *

Без тебя моя жизнь обескрылена птицы.
Все напрасны слова. Все беспомощны позы...
Дни – заученней самой затёртой страницы.
Что с того, что к лицу цвета пепельной розы
Мне обновка – красивая шляпа из фетра?
Как тобой не дышать, не искать по примете?
Мне бы в лёгкие вдунуть морозного ветра,
Только ты, только ты – этот северный ветер...
Мне и слава – не радость, а только отрава,
Для твоей я жила, и твоей только славой...
Стала б кровь в моих венах горящею лавой,
Чтоб не помнить тебя... Только ты – эта лава...
Мне – никак без тебя. Без тебя я – бессилье...
Ты и кровь моя – лава, и воздух мой – ветер...
Улететь бы к тебе, только ты – мои крылья...
Без тебя, моя Родина, пусто на свете...

Париса Бухвалова

* * *

*По картине Босха
«Блаженные и проклятые»*

Разъяли нас на белый свет и тьму.
Одних поднять, других – навечно кинуть.
Всё видел Босх. Тебя я обниму
И навсегда, как велено, отрину.

Воспоминаний мир покроет мгла
И в этом есть красивая отрада –
С тобой всегда... и вечность поплыла
В окне свинцовым облаком над садом.

Мне жить не привыкать, мне хватил сил,
Забудусь в суете, в мельканье буден,
И не схвачу тебя за перья крыл,
И ты, как Босх, меня ещё забудешь.

С клеймом страстей на Небо не берут.
Там все белы. И ты – белее мела.
А я, простившись, въявь, туда нырну,
Где Босх во тьме огню погибших предал.

Наш мир жесток. Что им союз двоих?..
Блаженные и проклятые дети.
Всё распадётся – май и полиптих
С центральной частью, где мы были вместе.

Чужих держав герои, разных книг –
Меня ещё и не было на свете,
А бравый швейк вонзил железно штык,
Сказав, что мы с тобой за всё ответим.

Так, что уста прикрыл, в испуге, Босх –
Он в лодке плыл каналом под домами,
Где мы с тобой, обнявшись, в серый сон
В такой же тихой лодке проплывали.

Что было плохо – всё с собой возьму.
Ведь наша жизнь – обычное мгновенье.
Люблю тебя и ухожу во тьму,
Из Вечности в кромечность, во Спасенье.

* * *

После этой долгой спячки,
Сна в слепой зиме медвежьей,
Вышла я на снег горячий,
Лёд перчёный семисвечный.

И в период всехней линьки,
В поселковом магазине
Встала за солёной килькой
В очереди, посредине.

Для семи голодных кошек –
Сфинксов, спящих на окошке,
Продавец, продай на грошик
Горстку кильки в чёрной крошке.

В дивном марте, в этом веке,
Мир и килька да пребудет!
Кошки тоже люди.
Кошки – мартовские люди!

Всем видна с небес парадных,
Я топчу снега земные –
С килькой, хлебом, пском патлатым
В марте, в эти выходные.

На тропе спляшу слоистой
В ботах дырчатых, сюрпризных.
Распалиться, просолиться –
Вот она – соль нашей жизни!

Рыцарь

Роза стальная цветёт на твоём щите.
Переплетает стебель с шипами крест.
Разве постигнуть насмешникам в суете
Трепет величья нищенства, стягов честь?

Что через кровлю звёзды стали видны
Дело второе, блажь пустая опять.
Тени портретов надменные со стены,
Рыцарь уехал подвиги совершать.

Детских качелей в сумраке вскрикнет цепь.
Сад наполняют духи, дымы тенёт.
Дама оставлена в доме – ждать и терпеть.
Прошлое тенью явится в сон её.

Скудным пейзажем ссутуленная гора.
Боль и надежда слились перед крестом.
Осень иная, минувшая унесла
Трепет и радость, негу её и сон.

Глас «Аллилуя» с зарёй наполняет храм,
Мрамор каррарский пенится под стопой –
Мёртвое море, лодка и сети Петра,
Солнце долины Плача над головой.

Тысячелетье – мгновенье в таких краях,
Рыжеволоса Мадонна твоей судьбы.
Птица-удача летит на древке копья,
И преклоняют колени божьи рабы.

Сладость гоненья и горестный хлеб чужбин,
Нефы базилик, где Эдем на земле...
В доме, где шелест листвьев неотвратим,
В старом камине треск уголька в золе.

Ты возвратишься ветром из тьмы времён.
Двери поправишь, сорванные с петель.
Дров раздобудешь и разожжёшь огонь
В стылом камине, тихо умершей ей.

Виктория Быкова

* * *

Зимы любимая скульптура.
Ну, наконец, зима, метель!
И сдвинулось всё с мертвой точки!
Зима – ведь это не апрель,
Когда цветут кругом цветочки!

Зимы своей я дождалась!
Любовь к ней яростно проснулась!
Она во мне всегда жила,
Но лишь сейчас от сна очнулась!

Зимой не зря я родилась!
Зима – глубокая натура!
В единый цвет лишь облачаясь,
Стоит единая скульптура!

И этот белый цвет один
Передо мной всегда ложится,
Как будто белый чистый лист,
Чтоб жизни написать страницы!

Чтоб все начать «начистовик»!
Не заново, но по-другому!
Чтоб новой жизни каждый миг
Мне доверять, но лишь родному!

Галина Бычкова

Рождество

Дорогой тяжкой в Вифлеем из Назарета,
на юг, где горы, чтобы перепись пройти,
пешком вдвоём дошли. В гостиницах нет места.
Лишь ясли овчие – прибежище любви.

Родился Иисус и был положен в ясли.
(И до сих пор в миру младенцев в них кладут!)
А Ангел возвестил: «Спаситель – вот Он, в явь им.
Не власть имущим беднякам, что здесь живут!»

И «Славу в Вышних Богу» Воинство взывает...
И Мудрецы свои дары Ему несут...
Звездою Рождества Бого-младенец знает
свой Крестный жертвы путь,
людей в бессмертье путь!

Артур Гарипов

Зимний день

Зима оделась в белый пух,
И мягкой шалью укрывая
Суровый безмятежный дух,
Снежинкой в небе пролетая,
Сверкала яркой стороной!
В деревьях скованных мерцая,
Играла белой бахромой,
И вдаль лениво убегала
Блестящей сонною рекой!

Надежда Голдинова

* * *

В памяти бережно сохранить
Солнце в руках заката,
Неба узор – филигранную нить
С россыпью из агата,

Непостоянство песчаного дна,
Радужность перламутра.
Тихим покоем журчит волна,
К берегу тянет утро.

Если всмотреться в морскую гладь,
Вдаль переменным светилам,
Можно поверить, что время вспять
Прошлое возвратило.

Можно почувствовать – смерти нет.
В травах и мятной пряности
Хрупкой росы пробивается свет,
След жизни, кристальной радости.

И удивиться – я снова мал,
Корни мои не окрепли.
А между холмов, гор и рваных скал
Деревья ввысь тянут ветви.

Галина Дьячкова

Соловей

Всю зиму молчит соловей,
В чужой стороне не до песен.
Грустит о сторонке своей,
Ему дорогой и чудесной.

В ней всё удивляло певца:
Черёмух вуаль кружевная,
Сирень у резного крыльца,
Волна от соцветий хмельная...

Восторг соловей не скрывал
И пел о родимой сторонке.
Красоты её воспевал
И щёлкал то тихо, то громко...

Закрыв в упоеньи глаза,
Певец распевал с восхищеньем...
И слышался в песнях азарт
И нежного сердца томленье.

В России весенний певец
Округе и люб, и известен.
Всю зиму молчит соловей,
В чужой стороне не до песен.

Я помню ночь перед Крещеньем

Ночь спустилась на землю неслышно
И прошлась в дивном танце по кругу,
Не склоняясь, накрывая округу
Покрывалом чарующим, пышным.

А луна затевала колядки:
То меняла, как пава, походку,
То пыталась сплясать нам чечётку,
То играла со звёздами в прятки.

Парни, девки в костюмы рядились,
С песней шли по деревне гурьбою.
Наслаждаясь весёлой игрою,
За столы угощаться садились.

И гадали девчата весь вечер.
Сапожок за порог! Тайна夜里...
Жениха чтоб себе напророчить
Перед зеркалом жгли они свечи.

Ай да ночка! Обид всепрощенье.
Столько радости, смеха и счастья!
Забывались тревоги, ненастья...
Нынче праздник. Христово Крещенье!

Париса Игошина

* * *

России дивные зарницы,
родная сердцу сторона
и невозможно не влюбиться
в страну, что зорями красна!

Размах полей, края лесные,
теченье рек и гладь озёр,
моря лазурные – Россия!
Степная ширь и кручи гор!

Велика Русь и неоглядна
и краше нет её, милей!
Благоухать цветущим садом
желаю Родине моей!

Крылатый парус над волною,
под стать, упругие ветра.
Моя Россия, над тобою
корона царская Петра!

Эпох стремительно начало,
сынов своих и дочерей
Держава в космос поднимала,
всё по плечу, по силам ей!

Мир рукоплещет в восхищенье,
и лед, и пламень под коньком,
Олимп спортивных достижений
горит задорным огоныком!

Люблю тебя, моя Россия!
Любуюсь Родиной, горжусь,
за хлеб да соль скажу спасибо
и низко в пояс поклонюсь.

Рубины звезд на небе синем,
на башнях древнего Кремля,
люблю тебя, моя Россия!
Вовеки славная земля!

Вера Караванова

Гололёд

Обледенели провода,
Заледенели тротуары.
И в сумеречном царстве льда
Не слышно струн твоей гитары...

И снег – небесная пыльца –
Заиндевел во встречных взглядах.
Как будто лёд закрыл сердца,
Застыл внутри и на фасадах...

И чувства хрупкие во льду,
Чуть тронь – осколками взорвутся.
Но всё же я к тебе иду,
Хоть мне и страшно поскользнуться...

Прогулка по небу

Пойдём, погуляем по небу!
Оно тебя манит свободой,
Навязчивой мыслью: «Ах, мне бы!..»
Ну, что ты боишься? Попробуй!

Прозрачность небесных ступеней
Сpirалью взвивается к солнцу.
Там птиц перелётных владенье,
Там ветер над снами смеётся.

Мы красками жизни, поверь мне,
Шутя, небосвод разукрасим!
Устанем и в вальсе осеннем,
Как в лодке, опустимся наземь.

Новогоднее...

Небо упало на землю комочками ватными
И распушилось, сияя в глазах вдохновением.
Замер декабрь на пороге вселенском парадном и
Пауза эта, как вдох до начала движения.

Замерло всё, как перед бурей стихают порывы,
Так умолкает природа, как перед ударом.
Ровно в двенадцать взметнутся в кружении дивном
Звуки салютов с раскатом кремлёвских курантов!

Ну а пока тишина покрывалом окутала
Мысли и чувства, предчувствия и ожидания.
Даже душа замерла в предвкушении чудного,
Лишь краткий миг у неё, чтоб задумать желание.

И в этот миг, разметав все преграды с затворами,
Вырвется детство наружу с улыбкой блаженной -
Верность мечтам дедморозовым, с верой в которые
Хочется жить и творить! С Новым годом, Вселенная!!!

Притча

Когда-то слышала я старую легенду,
А, может, притчу, может, рассужденье,
Что нам даются соответственно моменту
Все испытанья, встречи и волненья.

Из каждого должны мы непременно
Извлечь урок или хотя бы вывод.
И разбираться в этих поученьях
Всю жизнь, не покладая рук, должны мы.

И коль ты видишь в ком-то недостатки,
То прежде на себя взгляни построже.
Судьба не зря с тобой играет в прятки —
То в зеркале тебя покажет, то в прохожем...

И если что-то в жизни не по нраву
И, кажется, судьба не справедлива,
Ты не ищи на недругов управу,
Остановись, подумай — в чём причина?

Каким таким своим поступком, мыслью
Ты притянул к себе судьбы невзгоды?
Вселенной дела нет до смысла жизни,
И наказаний нет, как и плохой погоды...

Мы сами всё творим и сотворяем
С собой, порой с другими ненароком.
И статус человечности теряем,
Пытаемся свалить вину на Бога!

Что, мол, не слышит и помочь не хочет!
К себе ж претензий вовсе не имеем!
Любой сумеет беды напророчить,
Коль пессимист в душе по убежденью!!!

Возможно, выскажу крамольную идею:
Но если созданы мы по Его подобию,
То каждый человек, в душе лелея,
Несёт божественности маленькую копию...

Нам всем дано творить, мы ж вытворяем!
Ведь в каждом человеке целый космос!!!
Давай же устремленья поменяем –
Ведь шаг к счастливой жизни сделать просто!!!

Марина Котова

* * *

В окне синели сопки величаво
под пасмурною нищетой небес.
Гудела станция, и с лязганьем составы
везли в Китай убитый русский лес.
И день, и ночь, нам сердце надрывая,
тела берез, смолистых сосен, пихт
везли, и плакала им вслед земля сырая.
Как павших воинов, мы провожали их.
Что мы могли пред властью тупорылых?
А всё себя винила и виню,
что ни себя мы защитить не в силах,
ни русский лес, что продан на корню.

Эльвира Куклина

Больничное–2...

Прекрасны Мальдивы и Ницца!
Но ждут нас едва ли теперь...
...И вот распахнула больница
Угрюмо-казённую дверь.

Из тёплого гнёздышка быта
Ты – выдернут.
Ты – пациент.
И знойная Ницца забыта,
А с ней и Мальдивы – в момент.

Режим, процедуры, палата...
Ты – пойман. Зажаты тиски.
Кругом – только рать Гиппократа
Да хворые сплошь старики.

Одним, как бы ни было тошно, –
«Казённый» осваивать «дом».
Другим – врачевать их поточно,
Как долг им велит и диплом.

...Отбой. Замирает больница.
Закончили смену врачи.
В конце коридора сестрица
Всё что-то в журнале строчит.

Кто спит,
кто, бессонницей мучим,
Безмолвно глядит в потолок.
Над кем-то – сгущаются тучи –
Пора,
Его час недалёк.

Но чьё-то крыло терпеливо
Стирает и слёзы, и пот.

...А где-то сияют Мальдивы
И знойная Ницца цветёт.

Встреча с Ахмадулиной. Болдино

Память болдинской свечи...
Ю. Адрианов

Она за столиком сидела,
Едва притрагиваясь к блюдам.
Неподражаемая Белла,
Каким Вы здесь, скажите, чудом?

А Ваш супруг, привычно-светский,
Вел разговоры с местным мэтром.
...Душой, не телом полудетским,
Вы унеслись за километры

От публики провинциальной –
Полубогемной-полугрешной.
С улыбкой провиденциальной
Вы были неземной. Нездешней.

Я исподволь на Вас смотрела,
Как пальцы серебром играли...
Полуистаявшая Белла,
Вы тонкой свечкой догорали.

И только там, на сцене зала,
Вы вдруг вернулись из астрала –
И завибрировал Ваш голос,
Как серебристый колоколец!..

«И нежный – вкус – родимой речи...» –
Ваш голос пел в затихшем зале.
И все сердца, как будто свечи,
Лишь Вам навстречу засияли...

Восхищены преображеньем,
Мы были Вашим отраженьем.

Но Вы сошли со сцены, Белла,
И Ваша свечка – догорела.

Светлана Леонтьева

Крещение Руси

Как вспомню: слова – горлом, через край,
а от сердца отмерзают рубах льдинки!
Это были люди-горы! Человек-гора,
правда моя, солнце моё, князь наш Владимир!
Как вспомню: сразу летописи сквозь меня
сами тянутся, сами впиваются мыслями, фразами.
Княже, княже, седлает гнедого коня
во леса, во болота, чьи звуки бекасами,
куликами захвалены, слушать, да слушать бы.
Сквозь повязку виднее, сквозь ночь неоглядную,
только летописи все сквозь меня: тело, душу ли,
сердце бьётся, как в стёклышках: Ладо, о, Ладо мой!
Князь Владимир начально язычником славился,
Перуну поклоняющимся был на капище,
жил привольно, в плену первобытного хаоса
да ещё пять имел жён, Рогнеду облапивший...

Эти руны-царапины, как носить камни мне?
Как мне полою стать?
Как пустотами вымостить?
Супротив слать хазар войско во поле бранное?
У кого мне просить мира, правды да милости?
Далеко и не сразу случилось великое,
поначалу от волжских болгар шли послания,
латинян, иудеев шли грамотки-скликанья.
Но однажды был сон князю под утро раннее.
Византия приснилась ему красно-красная,
Византия приснилась ему светло-светлая.
Со святыми Кириллом, Мефодием. Ясною
вдруг прожглось всё нутро его, жаркою Летою.
Словно острою бритвою память порезана,
забывайся, язычество, ты со стрибогами,
эти меткие, словно мечи, были лезвия,
обкромсали все жилы, все вены, все органы:
слуха, зрения и осознания прошлого,
были идолы свергнуты и в речку брошены,
а покуда топились они в льдовом мареве,
заходились фигуры их в пламени-зареве.

...И выходит выплакивать Анна. Исподнее
на ней только бельё да чепец бледно-розовый,
византийская девица, что порфиродная
да багряных кровей
да морей абрикосовых.

– Я сточила своих сорок свадебных посохов,
сердце разорвала я на льдинки под грозами,
и я лоб раскровила, молясь над утёсами,
и ладони я стёрла, до ран они стёсаны!

В Херсонесе очами болен был Князь наш солнышко:

– Ах, ты лапа моя, моё пшённое зернышко.
Собрались из Корсуни епископ, священники,
возложили ему на чело руки белые.

Я-то знаю, есть таинство: в пол, чтоб коленями,
я-то знаю, есть таинство: раны горелые,
как Руси всей залечивать от чернодыряя,
от русалок, от леших да от нетопыря.

О, былое! О, русское! Если не руки,
если даже не ноги, хотя бы подошвы
целовать нам Владимира-князя, и звуки
слушать флейты, гобоя, баяна, ой, что ж ты,

ибо дождь! У меня дождь сегодня! В Днепр греться,
где народ целым миром в посконных рубахах,
это лён, это цвет, это ход, это детство,
это то, из чего родились мы – из праха!
Когда я раздвигала нутро, я рождалась,
разжимала я мамино нежное чрево:
утыкалась своей головой в её алость,
выходила всем телом из тела.
Режь держащий канат, режь скорей пуповину,
заверни меня в лён, в одеяло, в холстину!
И крести во Днепре меня вместе со всеми,
князь Владимир на всхолмье стоит, ноги в стремя,
собиратель земли нашей, вещий Креститель,
благодать-то какая, ловить сердцем время.
И ловить небо горлом! Звучите, звучите
вместе флейты, гобои, гортани, молитвы.
Я теперь поняла, что такое есмь лидер,
кто воскликнул: Живите!
И пошли мы вот в эти пресветлые воды,
во истоки, во знанья, в восходы, исходы...

* * *

Не выдохнуть. В горле крик. Крика много.
Одно желание протиснуться за ради Бога
того, Кто на кресте. О, Сыне мой, Сыне!
Его грудью кормила. Качала. А ныне, ныне
вокруг разбойники, нищие, проститутки, калеки
и века. И бессмертье. И горы. И реки.
Все толпятся вокруг... Как его целовала,
где затылок парной. Пропустите. Здесь – мама...

Пелена пред очами. Кричит. Крика много.
Им затянуто горло. Все лёгкие. Сердце.
Вот разъять бы ей звуки до первого слога,
вот растечься бы ей в полотенце,
чтобы влагу со лба утереть, кровь с ладоней.
Вот бы стать этой тканью, обёрткой для тела.
Милый Сын – воскресающий! Божий! Мой смелый
для планет всех!
Кого мы хороним?

Мать припала к увядшему. Холодно. Зябко.
«Мой кровинка, мой зайка, мой лапка...»
А в бездонном, бессрочном, огромном, безмерном
небе – зёरна и звёзды, и света цистерны.
Так и льётся и льётся рассветом, окраской,
скоро – Пасха.

* * *

В меня целится – я вижу его! Он притаился! – снайпер!
В его окуляре я: в куртке, джинсах, кроссовках!
В небе – белая птица, наверное, чайка.
Это небо последнее! Но мне как-то неловко
обращаться к нему! Небо – на подстражовках!
Оно было, когда я в него родилась. Здравствуй, мама!
Ты меня ещё держишь своей пуповиной?
Она бело-прозрачная, что амальгама.
Фонтанирует. Вся из тугих парусинов.
И поэтому море вокруг меня плещет.
Это – околоплодные спелые воды.
Мы – рождённые, всё стоим из тех женщин –
журавлино, невинно. О, грех первородный!
Тех, кто были до мамы. Они в наших генах.
И они внутримышечны и внутривенны.

Снайпер! Значит, и в них ты прицелился тоже?
И в ребёнка, который в утробе под кожей,
моего притаился напевного чрева.
Оно рдело! Любило! Желало! И пело
в ночь с любимым! Его помню сильное тело.
Значит, целишься ты и в него? В Русь? И правду?
Поздно, поздно вопить мне: «Не надо! Не надо!»
Пуль разрывы вокруг. Стон. Пожары. Снаряды.

Мне – прожившой полжизни, мне – видевшей небо,
мне – целующей звёзды, их льдистые скрепы –
неужель затаиться? И Армагеддоны,
так воят... Фонтанируют. В Зайцево – храм мой.
Я иду помолиться, прикрыв грудь и лоно.
Моя старая мама, и тётка, и братья
там живут, за чертой. Как прикрыть их синхронно?
Вы там не были!
В каждом кусте и травинке
не цедили вы детство, на этой тропинке
не пасли вы козу, белошерстную Майю!

Хорошо рассуждать про загадочных майя,
про кино, про правителей. Деньги и власти.
Да хоть сердце не застыте! Не рвите на части
про весну ту, что в Крыме. Про Минск. Там Иуда
щёки, спины целует! Война, как простуда
для того, кто поодаль. В глуби. За лесами.
Я иду. Продираюсь. Мне к тётке и маме.
Пробираюсь сквозь время (О, как мне
Коньбледно!)

Продираюсь сквозь лемех, орало. Бой длится!
Нескончаемый!
Разве вам тел наших мало,
что зарыты вот в эти поля цветом ситца?
Лязг затвора. Мой снайпер – мой враг. Помолиться успеваю, пока не нажал на курок он.
...А малыш, что во мне, мог бы радостно чмокать, в колыбельке лежать мог бы он краснощёко, потаённо, глубинно, тепло, светлооко!
Богатырь мой вселенский. Он смог бы. Он смог бы защитить нашу землю. И небо. И птицу!

Вадим Малафеев

* * *

Застыло время в покаянье,
И лишь безмолвная душа
У неба просит подаянье,
В надежду веря, чуть дыша.

И в тишинеочных просторов,
При свете плачущих свечей,
С себя снимая все затворы,
Душа витала, как елей.

Взлетев в небесные вершины
За тех, кто стал судьбой бескрыл,
За тех, кто в кровь стирает спины,
Неся свой крест с последних сил.

Ей нет преграды, опасений,
Все двери настежь, шире круг.
И тает сердце от видений,
От устремлённых в небо рук.

Евгения Орехова

* * *

А в детстве петухи будили в пять.
А в три гудел гудок. Завод был жив.
Весенним утром память не унять,
Ни бабушки, ни дедушки. Обрыв.

Окурки. Пороумные грачи.
Угроза гроз и обнуленью срок.
Шарахнешься, вблизи услышав чих.
«Коронавирус это или кокк?»

Шёшь по ночам из марли и бинтов,
Как научил на НВП майор,
Повязки для семьи. Спасибо, что
Всё руки помнят. Будит птичий ор.

Соорудили под окном детсад.
Как жаль, что дети выросли давно.
А вот воронам странно, реют над.
Мол, где все гнёзда на берёзах? Но

Нет ни берёз, ни гнёзд. Бомжи теперь,
Берутся заново за домострой.
Без перемен нет жизни, без потерь.
Пора и мне – из комнаты, на бой...

Вита Пунская

* * *

Иисус, распятый на кресте, что это значит?
...В необъяснимой немоте душа заплачет
В бесплодных поисках разумного ответа,
Мерцая в искрах неземного света.

Иисус, слепящим солнцем воссиявший,
Сын Господа-Отца, себя узнавший,
Пытался приоткрыть завесу тайны
Всем тем, кто верил в то, что жизнь случайна.

Народ, застывший в косности мышленья,
Не пожелал напрячь ни слух, ни зренье,
Чтоб разглядеть божественный подарок,
Огонь которого был нестерпимо ярок.

Но ахнули Умы: Он нас мудрее!
Он знает то, о чём и думать мы не смеем!
Он сделал то, о чём мы лишь мечтали!
Мы перед ним – ничто! – Умы стонали.

Люд, нетерпимый по своей природе,
Воскликнул: Он нас в чём-то превосходит?
Как смеет он, сын плотника простого?
И вот, толпа судить его готова.

Толпа не может допустить свободы слова
И возбуждено возвратит себе любого,
Кто дерзновенно вырвался из строя,
Всех обывателей лишив покоя.

Иисуса, как преступника, распяли
И разошлись, несчастные, в печали,
Бросая взгляды виноватые на крест.
Но Иисус на третий день воскрес.

Крест – это точка перемены направленья,
Распутье вечного покоя и движенья
Иль перекресток необыкновенный
Где время переходит в дух нетленный.

Иисус, распятый на кресте – что это значит?
Что в океане жизни есть задача?
Что в сердце ближнего горит небесный свет?
Что жизнь – это любовь, что смерти нет?

Михаил Саловский

Александр Невский

Геннадию Красникову

Простирается любовь вселенская,
прорывается сквозь толщу лет.
Мы наследники Александра Невского,
блестательных
его
побед!

Мы наследники православной веры!
Мы не отступники подлые.
Да будет Невского жизнь примером
мудрости,
мужества,
гражданского подвига!

И постигнем непостижимо главное,
не страшась обиды или перегрузки:
если Вы русский, значит, православный.
если православный – значит, русский!

Мы в наше время бушующее
живем и любим Родины ради!
А без прошлого нет будущего,
«Бог не в сиle, а в правде!»

Простирается любовь вселенская,
прорывается сквозь толщу лет.
Мы наследники Александра Невского
и
блистательных
побед!

Галина Федоровская

* * *

Утомлённый сердцем фараон
Проплыval вдоль берега реки.
Девы в злате, камнях, серебре
Сотрясали шумно тростники,

Ублажали пением царя,
Красотою радовали глаз,
Свежее дыхание даря,
Грациозно вёсла поднимая враз.

Был прекрасен Нил тогда,
Ибис вылетал из тростника,
Ветерок ласкал лицо,
Медленно плыла ладья.

Веселело сердце фараона,
И светлело у него лицо,
Глядя на красивых дев, поля
И коров пасущихся стада.

* * *

Был холод. Ясная погода.
Ночь светлая. А на небе Луна
Светила ярко – как звезда она,
И замерла, как будто бы природа.

Устраивались на ночь пастухи,
И овцы, сбившись, мирно спали.
Сидели, думали, тихонечко дремали
И тихие беседы у костра вели.

Вдруг светозарный Гавриил
В одеждах белоснежных,
Спустился с неба и запел
«Восславьте Бога в Вышних».

И благовестил пастухам:
«Родился ваш Спаситель.
Он радость всем подарит нам, –
Скорей пред ним склонитесь».

И пастухи пошли тотчас
Смотреть: а что же будет?
Ребёнок мирно спал в яслях,
Причмокивая чудно.

Пытался ослик посмотреть
на спящего младенца.
И шею вытянув, бычок,
Хотел лизнуть коленце.

А Вифлиемская звезда
Светила сквозь оконце.
И было так вокруг светло,
Как будто встало солнце.

Фаина Цверова

Этот первый снег

Невесомой паутинкой
Опускался снег с небес,
Целовался с тонкой льдинкой,
Обнимал поля окрест.

Был он чист и непорочен

Этот лёгкий первый снег.
Шёл он так с утра до ночи,
Нарядил всех в белый мех.

Оттого-то изменился
Вид картины за окном.
Словно сон земле приснился
Об ушедшем, о былом,

Что она притихла мирно,
Привыкая к новизне.
И в подлунном снежном мире
Рады жители зиме.

Содержание

Николай Алешков.....	4
Лесное озеро.....	4
«Прогулки в одиночестве прекрасны...»	7
Елена Ананьева.....	8
<i>Similis simili gaudet.....</i>	8
Отзвуки времён.....	10
Татьяна Антипова.....	12
«Вспоминаю, Россия, твоих златоустов крылатых...» ...	12
Татьяна Бобышева.....	14
«Полночь. Не спится...»	14
«Вечер серым крылом опустился на город...»	16
Владислава Броницкая.....	17
Записки Деда Мороза.....	17
«Важно ли, что имя твоё стрелой из тугого лука...»	20
«Без тебя моя жизнь обескрылённой птицы...»	21
Лариса Бухвалова.....	22
«Разъяли нас на белый свет и тьму...»	22
«После этой долгой спячки...»	24
Рыцарь.....	26

Виктория Быкова.....	28
«Зимы любимая скульптура...».....	28
Галина Бычкова.....	30
Рождество.....	30
Артур Гарипов.....	31
Зимний день.....	31
Надежда Голдинова.....	32
«В памяти бережно сохранить...»	32
Галина Дьячкова.....	34
Соловей.....	34
Я помню ночь перед Крещеньем.....	36
Лариса Игошина.....	38
«России дивные зарницы...»	38
Вера Караванова.....	40
Гололёд.....	40
Прогулка по небу.....	41
Новогоднее.....	42
Притча.....	43

Марина Котова.....	45
«В окне синели сопки величаво...».....	45
Эльвира Куклина.....	46
Больничное-2....	46
Встреча с Ахмадулиной. Болдино.....	48
Светлана Леонтьева.....	50
Крещение Руси.....	50
«Не выдохнуть. В горле крик. Крика много...»	54
«В меня целится — я вижу его! Он притаился! — снайпер!..»	55
Вадим Малафеев.....	58
«Застыло время в покаянье...»	58
Евгения Орехова.....	59
«А в детстве петухи будили в пять...»	59
Вита Пунская.....	60
«Иисус, распятый на кресте, что это значит?..»	60
Михаил Садовский.....	62
Александр Невский.....	62

Галина Федоровская.....	64
«Утомлённый сердцем фараон...»	64
«Был холод. Ясная погода...»	65
Фаина Цверова.....	67
Этот первый снег.....	67

Редактор-составитель С.Г. Леонтьева

Корректор А.А. Соловьева

Компьютерная верстка Е.Г. Цветкова

Дизайн обложки Ю.Р. Белова

Ответственный за выпуск О.А. Кузнецова

Нижний Новгород,
603950, ул. Варварская, 3,
НГОУНБ им. В.И. Ленина

